

ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ В «НАИВНОМ» МЕТАЯЗЫКОВОМ ОТРАЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С АНГЛИЙСКИМ)

А.А. Ривлина

Ривлина Александра Абрамовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете менеджмента Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (г. Москва).

Контактный адрес: rivlina@mail.ru

Давление глобального английского языка на другие языки, включая русский, порождает в них ряд новых языковых особенностей, в частности, усиливает метаязыковую рефлексию говорящих по поводу языкового контакта. В статье анализируются причины исследовательского интереса к метаязыковой рефлексии в современной лингвистике, обосновывается необходимость выделения метаконтактологии как особого раздела металингвистики, дается трактовка и классификация обиходных метаконтактологических высказываний, намечаются основные направления дальнейшего развития метаконтактологии, в том числе, в контексте исследований глобализации английского языка.

Ключевые слова: метаязык, метаязыковая рефлексия, «англизация», метаконтактологическая рефлексия, «наивная» контактология/ метаконтактология.

Введение

Интерес к метауровневой деятельности и метауровневому анализу прослеживается во всех сферах современного общества и науки: о роли рефлексивных процедур в современном мире пишут многие исследователи (показательно название книги Ю.В. Громыко - «Век мета...» [5]). В работах зарубежных исследователей интерес к «мета» тематике обосновывается с позиций «теории рефлексивной современности», согласно которой все социальные структуры и взаимоотношения становятся все более подвержены «постоянной ревизии в свете новой информации и новых знаний» [24: с. 6]. Усиление языковой рефлексии, как и усиление интереса к ее изучению в лингвистике являются одной из граней этого более широкого процесса [1; 3; 7; 18; 23; 24].

В узком представлении метаязык предстает как язык научного описания, по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект» [4: с. 297]. Профессиональному метаязыку при более широкой трактовке этого понятия противостоит «наивный» (непрофессиональный, обыденный, обиходный) метаязык, отражающий языковую рефлексию обычных носителей языка. Часть его составляют спонтанные представления о языке и речевой деятельности, зафиксированные в значении металингвистических языковых единиц, таких как *язык, речь, слово, значение, говорить* и т. д. [1], которые входят в состав так называемой «языковой картины мира». Этот аспект языковой рефлексии, как правило, не осознаваемый самими говорящими, определяется как «имплицитный» метаязык. Эксплицитное проявление метаязыка и взаимосвязанных с ним речевых явлений, определяемых как «метаречь», «метатекст», «мета-

дискурс», «метакоммуникация», связывается с выделением Р. Якобсоном метаязыковой функции языка и особого рода «высказываний, ориентированных на код» [19: с. 203]. Имлицитные и эксплицитные метаязыковые представления определяются как «наивная» (т. е. непрофессиональная) лингвистика, «стихийная лингвистика» или «народное языкознание» [2; 3: с. 72-79; 7; 23; 24]). Именно во втором, обиходном смысле, связанном с языковой рефлексией непрофессиональных носителей, будет рассматриваться метаязыковое осмысление языкового контакта в данной статье.

Об усилении языковой рефлексии в современном русскоязычном дискурсе

Вся история коммуникации характеризуется последовательной интенсификацией метаязыковой рефлексии говорящих, расширением состава метаязыковых средств и их большей употребительностью в связи с последовательным возрастанием интеллектуально-семиотической насыщенности жизни и дифференциацией форм общения [11: с. 296]. При этом отмечают, что как собственно языковая рефлексия говорящих, так и интерес к ней лингвистов заметно активизируются в исторически переломные периоды жизни языкового сообщества, сопровождающиеся высокодинамичным типом развития языка. Именно так характеризуют состояние русскоязычного сообщества конца XX - начала XXI вв.: значительные изменения в словарном составе современного русского языка, вызванные изменениями в социальной, политической и экономической жизни страны, усиление личностного начала и общая коммуникативная демократизация обострили языковую рефлексию носителей русского языка и повысили частотность метаязыковых комментариев

в русскоязычном дискурсе¹. Кроме того, возрастающий интерес лингвистов к метаязыковой проблематике обусловлен и рядом внутринаучных причин, в частности, антропоцентризмом современной лингвистики, проявляющимся в том, что в центр исследований ставится «человек говорящий», его языковая и речевая деятельность [3: с. 7-8].

На наш взгляд, одним из существенных факторов способствующих интенсификации языковой рефлексии в последние годы становится глобализация английского языка, которая естественным образом помещает билингвов на «границе культурных сред» (пользуясь выражением С. Е. Ячина [20]), конкретнее, на «границе культурно-языковых сред». Значимость «границы» как «обязательного условия рефлексии» широко описана в философии культуры [20: с. 111]². Давление, которое глобальный английский язык оказывает на все языки мира, в том числе и русский, порождает не только ряд новых языковых единиц, включая обширные англоязычные заимствования, вкрапления, кодовое смешение и кодовое переключение и т. п. (то, что в зарубежной литературе обозначается как *Englishization/Anglicization*, «англизация» местных языков), но и усиление метаязыковой рефлексии носителей языка по поводу этих явлений.

Как представляется, языковая рефлексия по поводу взаимодействия родного языка с глобальным английским универсальна для носителей всех современных языков; однако, присущая русской ментальности словоцентричность и традиционно повышенная эмоциональность в отношении родного языка не могут не влиять на то особое место, которое занимает метаязыковой дискурс на тему

влияния английского языка, в современном русскоязычном общении.

Метаконтактология или «наивная» контактология как часть «наивной» лингвистики

В описании языковой картины мира принято выделять сферы обиходно-языковых представлений, большая часть из которых имеет соответствия в научной картине мира: «наивную астрономию», «наивную анатомию», «наивную геометрию», «наивную лингвистику» и т. д. Внутри этих структур знаний и представлений возможно дальнейшее разбиение, которое в значительной степени соответствует разбиению внутри отдельных научных отраслей: так, наиболее разработанный аспект «народной лингвистики» – «народная этимология» описывается как результат «этимологической рефлексии» (термин Г.О. Винокура); в отдельных исследованиях выделяют «метаграмматику» и «метаграмматическую рефлексию» [13: с. 52], «метапрагматику» [25: с. 173-205], объединенный «метапереводческий дискурс» [7] и т. п.

Если говорить о контактно-языковых явлениях, они традиционно являются объектом языковой рефлексии говорящих: например, естественно обиходное комментирование значений заимствований, их оправданности/неоправданности в речи на родном языке, их оценка, например, *нравится – не нравится* и т. п. В последние годы, как было отмечено, эта сфера «наивного» осмысления языка неуклонно расширяется в связи с усилением глобальных информационных потоков и культурно-языковых контактов. Поэтому, на наш взгляд, назрела необходимость специального изучения того, что можно назвать «контактологической рефлексией» или «метаконтактологической рефлексией» носителей языка³, а также выделения «метаконтактологии» как особого раздела металингвистики и «наивной контактологии» как одной из составных частей «наивной» лингвистики.

Как показывает анализ, объектом метаконтактологической рефлексии чаще всего становится

¹ В большинстве работ по проблемам языковой рефлексии, как и в настоящей статье, анализируется обиходный и/или публицистический русскоязычный дискурс, т. е. повседневная речь обычных, непрофессиональных носителей русского языка. Интересно, однако, что и современный художественный русскоязычный дискурс, по наблюдению Н.А. Николиной, также характеризуется значительным усилением метаязыковой рефлексии: во многих художественных произведениях, включая поэзию, все чаще объектом осмысления и дополнительным источником образности становятся фонические особенности русской речи, семантика отдельных слов, употребление грамматических форм, отдельные лингвистические термины и т. п., что позволяет сделать вывод о своеобразном «лингвоцентризме» как одной из отличительных особенностей современной поэтической речи [13: с. 49-79].

² Интересные параллели в этой связи можно проследить в исследованиях, посвященных творчеству оказавшихся в эмиграции русских писателей: отмечается, что для него характерно обилие метаязыковых комментариев и особая значимость разнообразных языковых оценок [8: с. 143].

³ Строго говоря, термин «метаконтактологическая рефлексия», как и термин «метаязыковая рефлексия», тавтологичен, поскольку компонент «мета-», как отмечалось, уже предполагает наличие рефлексии по поводу некоторого объекта. Очевидно, более корректен термин «языковая рефлексия», как в [3]. Однако, опираясь на сложившуюся терминологическую практику (упоминания о «метаязыковой рефлексии», «метаграмматической рефлексии» и т. п. [11: с. 296; 13: с. 52]), мы считаем возможным использовать оба варианта терминов – «языковая рефлексия» и «метаязыковая рефлексия», «контактологическая рефлексия» и «метаконтактологическая рефлексия».

наиболее типичное проявление языкового контакта - заимствование лексических единиц. Важно подчеркнуть, что внимание обычных, непрофессиональных носителей языка, в отличие от лингвистов, привлекают не столько различия контактно-лексических проявлений (например, разграничение заимствований, иноязычных вкраплений, калек, гибридных слов, псевдозаимствований и т. п.), сколько то, что все их объединяет - собственно «иноязычность» или, как определяет это Н.Б. Мечковская, «привкус чужезычности» [11: с. 226]. Интересно, что в современной русистике прослеживается отход от употребления термина «заимствование»/ «заимствованное слово» в пользу предложенного еще в конце 1960-х гг. Л.П. Крысиным термина «иноязычие»/«иноязычное слово» [9; 10; 12], который позволяет охватить более широкий круг контактно-языковых проявлений и снять ряд терминологических разногласий. Необходимо признать, что во многих работах в подобном расширенном понимании используется и термин «заимствование», в рамках которого рассматриваются собственно лексические заимствования, грамматические заимствования, семантические и фразеологические кальки и многое другое, вплоть до заимствования сюжетов, образов, речевых жанров, формул этикета и т. п. [14: с. 154]. Какой бы из терминов - «заимствование» или «иноязычие» - ни использовался, с точки зрения исследуемой нами темы, нельзя не заметить, что на первый план в их толковании все больше выходит признак метаязыковой рефлексии носителей языка, т. е. сам факт осознания некоторых языковых явлений как обусловленных иноязычным влиянием. Ср.: «... на формирование столь широкого представления об иноязычности влияет именно факт **восприятия** того или иного слова как иноязычного» [10: с. 23]; «... **иноязычие слова может осознаваться** так же, как, к примеру, могут осознаваться другие языковые свойства слова - производность (мотивированность), эстетика звучания (благозвучие), стилистическая окраска и т. д.» (выделение автора) [10: с. 22]. Таким образом, использование иноязычий в речи на родном языке (как и языковая деятельность билингвов в целом), вне зависимости от наличия или отсутствия ихэксплицитного метаязыкового комментирования, по определению, металингвистично, поскольку предполагает более или менее осознанную рефлексия по поводу использования единиц разных языковых систем⁴.

Контакт с глобальным английским языком в метаязыковых комментариях носителей современного русского языка

Экспликация метаконтактологической рефлексии начинается с появлением в речи билингвов-приемов, направленных на уточнение и прояснение смысла используемых иноязычий, на элиминацию межъязыковых лакун с помощью параллельного использования языковых трансформаций типа перевода, синонимических замен, толкований, парфраз, сравнений, аналогий и т. д. Вот некоторые из примеров на материале англо-русского языкового контакта: *Да вы **lucky, счастличик*** («Давай поженимся», ОРТ, март 2011); *...**райдер** (список требований звезды - ред.) у актрисы оказался в пределах разумного; ... профессиональные американские няни (ожидается от двух до четырех **бэбиситтеров**)* («Комсомольская правда», 2010).

Максимальная эксплицитность метаконтактологической рефлексии достигается при использовании особых метаязыковых операторов, которые сопровождают подобные тактики, типа *от английского слова ...*, *в переводе ...*, *англицизм/американизм ...*, *т. е. так называемый...*, *другими словами ...* и т. п., например: *Об этом свидетельствуют данные экзит-пулов (это опрос избирателей при выходе с избирательных участков)* («Комсомольская правда», 2007); *Чтобы у нас появились дискаунтеры, или, как их еще называют, lowcost авиакомпаний, нужны большие объемы перевозок* («Комсомольская правда», 2008); *Пикаперы (от английского pick-up — «клеить, знакомиться»), если кто не в курсе, учат парней профессионально снимать девушек* («Комсомольская правда», 2008). Чаще всего, подобные метаязыковые комментарии минимальны, состоят из одного-двух слов или небольшого придаточного предложения, поскольку представляют собой «метатекст», трактуемый А. Вежибицкой как своеобразные «метатекстовые нити», которые лишь «проясняют «семантический узор» основного текста» [2: с. 421] и не должны отвлекать от основного текстового содержания. С другой стороны, метаконтактологический комментарий может становиться самостоятельной темой сообщения и выражаться в рамках отдельного предложения, например: *Их тут называют «лузерами», неудачниками* («Комсомольская правда», 2008), или может даже разрастаться по объему до протяженных текстовых фрагментов и целых отдельных текстов, посвященных заимствуемым иноязычным единицам и обозначаемым с их помощью социальным и культурным явлениям; например, по поводу заимствования *гламур* - эссе Т. Толстой «Я планов наших люблю гламурье...» (http://scripts.online.ra/misc/news/98/09/1/0_229.htm) или «Гламур - новая идеология или старые раны?» (<http://www.drugaya.ru/content/doc592.html>).

⁴ Ср.: собственно межъязыковой перевод зачастую определяется как «метатекст» по отношению к исходному тексту [6: с. 307], а наличие любого иноязычия в тексте само по себе рассматривается как текстовый метакомпонент [12].

Содержательный анализ метаконтактологических комментариев позволяет сделать вывод об их принципиальной общности с другими видами метаязыковых высказываний или, как их еще называют в металингвистических исследованиях, рефлексивов. Общая характеристика рефлексивов заключается в их трактовке как особого адаптационного механизма, позволяющего «снять очаги речевого напряжения в дискурсивном пространстве, которые могут вызвать непонимание и требуют особой языковой бдительности говорящего» [3: с. 102]. При ослаблении «языковой бдительности» происходит коммуникативный сбой и тогда метаязыковой комментарий в виде постреакции позволяет исправить коммуникативную ошибку и компенсировать непонимание *postfactum*. Например: *Нельзя золото валютные резервы ЦБ называть резервами страны. Иначе они сразу становятся touchable. — Что, простите? — Я говорю, на них может быть обращено взыскание в случае принятия соответствующего судебного решения. Иногда одним иностранным словом легче сказать. Это не от выпендрежа* (интервью с В. Геращенко, «Аргументы и факты», 2001). Использованное в данном примере английское слово *touchable* вызывает непонимание, коммуникативный сбой (*Что, простите?*), поэтому интервьюируемый вводит с помощью базового метатекстового оператора «я говорю» поясняющую дефиницию иноязычного слова (*на них может быть обращено взыскание в случае принятия соответствующего судебного решения*); далее он комментирует причину появления данного англицизма в своей речи как результат отсутствия адекватного эквивалента в русском языке (*иногда одним иностранным словом легче сказать*) и открещивается от возможных распространенных обвинений в использовании иноязычий из-за их престижности, в угоду речевой моде (*это не от выпендрежа*). В подавляющем же большинстве случаев метаязыковой комментарий выступает как «опережающая», «проективная» рефлексивная реакция говорящего [3: с. 103-104].

Среди основных типов метаконтактологических комментариев, используя общий подход к классификации рефлексивов, предложенный И.Т. Вепревой [3: 105-110], можно выделить следующие:

а) комментарии динамического типа, отражающие временную характеристику употребления заимствованной языковой единицы, изменение лексического состава языка, моду на слово, перераспределение активного и пассивного запасов словаря и т. п., например: *Они теперь все говорят, как в американских сериалах: «у меня проблемы» и «я сделал это!»* (С. Поляков, «Грибной царь»);

б) комментарии стилистического типа, связанные с оценкой иноязычия в аспекте его стилистиче-

ской окраски как книжного, разговорного, просторечного, характерного для речи тех или иных социальных групп и т. д., а также с точки зрения его стилистической уместности в тех или иных контекстах; например: *Этот чулан, в котором вечно царит хаос, в редакции принято называть модным и гламурным словом «фэшнрум»* («Yes!», 2008);

в) комментарии деривационного типа, связанные с уточнением значений иноязычий, с пояснением их внутренней формы в исходном языке, формальной и семантической деривации, модификации и реструктуризации смысла и т. п., как в вышеприведенном примере: *Пикаперы (от английского pick-up - «клеить, знакомиться»)...*;

г) комментарии личностного типа, в которых выражаются личные предпочтения адресанта по поводу использования заимствований или ориентация на предполагаемую точку зрения адресата по этому вопросу, например: *Чтобы в главе «дела сделанные» поубавилось, а в пункте «свободна», наоборот, выросло, примерь на себя основные правила тайм-менеджмента, или разумного управления временем, если тебе не милы англицизмы* («Yes!», 2008).

Важным основанием для дальнейшего разграничения типов метаконтактологических рефлексивов является коммуникативный модус говорящего. Субъект речи может просто сообщать некоторую информацию об иноязычном слове, а может высказывать свое отношение к нему, давать его оценку. Исследования показывают, что для современной русской речи в целом характерна «усиленная модализация сообщения» [3: с. 161], поэтому в корпусе рефлексивов, включая метаконтактологические рефлексивы, довольно часто встречаются оценочные высказывания. Оценка иноязычия может быть положительной, например: *Collaboration... Я очень люблю это буржуазное слово. Уж не знаю, чем оно мне нравится, наверное, все-таки не фонетическими особенностями, а значением, смыслом* («Комсомольская правда», 2000) (пример И.Т. Вепревой [3: с. 303]). Однако в подавляющем большинстве случаев метаконтактологическая оценка является негативной, чему есть целый ряд объяснений. В частности, с точки зрения сопоставительной лингвокультурологии, как мы уже отмечали в ряде статей [16; 17], неизбежный подсознательный этноцентризм, особенно в сочетании с традиционно трепетным отношением русскоязычной культуры к родному слову, часто порождает восприятие «чужого слова» как «чуждого», «неправильного», представляющего угрозу для «своей» системы ценностей, что ведет к его отторжению. Например: *А бойфренд у тебя есть? — Бойфренда нет. — Почему? — Потому что бойфренд — это английское слово. Это что-то чужое. Оно мне не нравится.*

У меня есть любимый человек («Народный артист», РТР, 2006). Сопоставление стоящих за подобными оценками культурно-обусловленных систем ценностей и представлений, анализ возникающего и выявляемого в результате метаконтактологической рефлексии лингвокультурного конфликта [17] отдельная увлекательная тема лингвокультурологии и метаконтактологии.

В отличие от наиболее заметных лексических и лексико-стилистических аспектов языкового контакта, другие виды англизации русского языка, такие как заимствование отдельных грамматических конструкций, фонетическое влияние, заимствование коммуникативных клише, прагматических норм общения и т. п., реже попадают в поле метаязыкового сознания и реже подвергаются метаязыковой оценке. Тем не менее, так же как и собственно лексические иноязычия, они чаще всего вызывают негативную реакцию. Например: *Нерусские дикторы и телеведущие, говорящие с акцентом, картаво, гнусаво и шепеляво...; дикторы машут ручкой и нагло говорят «пока», как будто все зрители их собутельники* (пример И.Т. Вепревой [3: с. 303]); *стыдно говорить (и это не западничество, а колониальное просматривается): «новости от Путина», «галстуки от Диор». Давайте говорить тогда: картины от Репина, роман от Достоевского, симфония от Чайковского. Я негодую, когда так коверкают великий и могучий русский язык!* (из интервью И. Глазунова, «Аргументы и факты», 2005).

Заключение

В заключение подчеркнем, что рассмотренные в данной статье аспекты метаконтактологии далеко не исчерпывают данную тему. В частности, помимо англизации контактирующих с глобальным английским языком местных языков, которая была описана в ее обиходно-метаязыковом представлении на примере русского языка, в изучении межкультурной коммуникации и контактной вариантологии английского языка (World Englishes) метаконтактологический речевой материал привлекается в связи с самыми разными сторонами культурно-языковых контактов, ср.: наблюдения билингвов относительно расхождений в их родном языке и в английском, попытки «наивного» культурно-типологического объяснения подобных расхождений, например [26: с. 26-27]; описание участниками процесса межкультурной коммуникации собственного опыта срывов коммуникации из-за расхождения и непонимания культурно-обусловленных смыслов, например [26: с. 9]; отношение к использованию английского языка как глобального в его соотношении с местными языками, оценка его влияния (положительного или отрицательного) на местные языки и культуры, например [22: с. 89, 107];

отношение к местным вариантам английского языка (включая фонетические, грамматические и др. особенности), прежде всего, с точки зрения их престижности, например [15: с. 61; 21: с. 130-141, 180-181; 22: с. 60-61] и т. п. В контактной вариантологии широко используются метаязыковые комментарии, собранные не только на основе чисто лингвистического текстового анализа, как в данной статье, но и в результате применения социолингвистических методов включенного наблюдения, анкетирования, интервью и т. п. [15; 21]. Все это еще раз подтверждает актуальность данного направления контактологических исследований, широкие перспективы и необходимость специального более глубокого изучения метаконтактологической рефлексии носителей языка, в том числе на материале контакта современного русского языка с глобальным английским языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 7-22.
2. Вежицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 8. Лингвистика текста. - М.: Прогресс, 1978. - С. 402-424.
3. Вепрева, И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 384 с.
4. Гвишиани, Н.Б. Метаязык / Н.Б. Гвишиани // Лингвистический энциклопедический словарь; ред. В.Н. Ярцева [и др.]. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 297-298.
5. Громыко, Ю.В. Век мета: современные деятельностные представления о социальной практике и общественном развитии / Ю.В. Громыко. - М.: АРКТИ, 2006. - 504 с.
6. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. - М.: Гнозис, 2010. - 351 с.
7. Кашкин, В.Б. Концептуализация перевода в обиходном сознании и научном представлении / В.Б. Кашкин, Е.А. Княжева // Вестник ВГУ. - 2010. - № 1. - С. 36-141. (Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»),
8. Кожевникова, Н.А. О языке художественной литературы русского зарубежья / Н.А. Кожевникова // Русский язык зарубежья. - М.: Едиториал УРСС, 2010. - С. 119-287.
9. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. - М.: Эксмо, 2007. - 944 с.
10. Маринова, Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX - начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е.В. Маринова. - М.: ЭЛПИС, 2008. - 495 с.
11. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета / Н.Б. Мечковская. - М.: Флинта, Наука, 2009. - 584 с.
12. Николаев, С.Г. Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о билингвизме в поэзии) / С.Г. Николаев // Relga. Научно-культурологический журнал. - № 2 [104]. - 07.02.2005. - Режим доступа: <http://refrefer.ru/08/dok.php?id=0016>.
13. Николина, Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы / Н.А. Николина. - М.: Гнозис, 2009. - 336 с.

14. *Панькин, В.М.* Языковые контакты: краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. - М: Флинта, Наука, 2011. - 160 с.
15. *Прошина, З.Г.* Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка = The ABC and Controversies of World Englishes / З.Г. Прошина - Хабаровск: Дальневосточный ин-т иностранных языков, 2007. - 120 с. - Режим доступа: <http://www.fil.msu.ru/img/pages/File/Proshina/>
16. *Ривлина, А.А.* О явлении «глокализации» в семантическом развитии англоязычных заимствований / А.А. Ривлина // Россия и Запад: диалог культур : сб. статей XIII международной конф. - Вып. 15. - Ч. I. - М: Изд-во МГУ, 2010. - С. 299-308.
17. *Ривлина, А.А.* «Лингвокультурный конфликт» и его «наивная» метаязыковая интерпретация (на материале взаимодействия современного русского языка с английским) / А.А. Ривлина // Личность. Культура. Общество. - 2011. - № 4 (в печати).
18. *Трошина, Н.Н.* Культура языка и языковая рефлексия: Аналитический обзор / Н.Н. Трошина. - М.: РАН ИНИОН, 2010. - 62 с.
19. *Якобсон, Р.* Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». - М.: Прогресс, 1975. - С. 193-230.
20. *Ячин, С.Е.* Метакультура - место творчества личности на границе культурных сред / С.Е. Ячин // Личность. Культура. Общество. - 2010. - Т. XII. - Вып. 1 (№ 53-54). - С. 108-122.
21. *Jenkins, J.* English as a Lingua Franca: Attitude and Identity / J. Jenkins. - Oxford: Oxford University Press, 2007. - 284 p.
22. *Kirkpatrick A.* World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching / A. Kirkpatrick. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007. - 257 p.
23. *Maschler, Y.* Metalinguage in Interaction: Hebrew Discourse Markers / Y. Maschler. - Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2009. - 258 p.
24. *Metalinguage: Social and Ideological Perspectives /* Ed. by Adam Jaworski, Nikolas Coupland and Dariusz Galasinski. - Berlin & New-York: Mouton de Gruyter, 2004. - 324 p.
25. *Mey, J. L* Pragmatics / J. L. Mey. - Malden & Oxford: Blackwell Publishers Inc., 2001. - 350 p.
26. *Wierzbicka, A.* English: Meaning and Culture / A. Wierzbicka. - Oxford & New-York: Oxford University Press, 2006. - 352 p.